

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

Щелкунчик и Мышиный король

Москва

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-44
Г74

Ernst Theodor Wilhelm Hoffmann

Nußknacker und Mausekönig

1816

Перевод с немецкого

Иллюстрация и художественное оформление серии

Анастасии Зининой

Гофман, Эрнст Теодор Амадей.

Г74 Шелкунчик и Мышиный король / Эрнст Теодор Амадей Гофман ; [перевод с немецкого Л. Яхнина, В. Соловьева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 240 с.

ISBN 978-5-04-239966-4

В ночь на Рождество маленькая девочка Мари получает в подарок деревянного Щелкунчика — необычную игрушку для колки орехов. В самом конце праздничного вечера Щелкунчик оживает и вместе с армией кукол вступает в битву против зловещего Мышиного короля и его войска. Мари становится свидетелем и участницей волшебных событий, пытаясь защитить Щелкунчика, которому грозит опасность.

Эта классическая рождественская сказка наполнена волшебством, приключениями, борьбой добра со злом и теплом детской веры в чудеса, что делает её популярной среди детей и взрослых.

В книгу входят и другие произведения немецкого сказочника Гофмана.

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-239966-4

© Яхнин Л., перевод на русский язык. Наследник, 2026

© Соловьев В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЩЕЛКУНЧИК
И
МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Шу-шу! Шур-шур! — таинственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутёмной спальне и прислушивались. До поры до времени им не разрешалось входить в гостиную, где, наверное, уже сверкала праздничными огоньками свечей рождественская ёлка. Мари, которой только-только исполнилось семь лет, всё спрашивала своего старшего брата:

— Ну когда же начнётся праздник?

— Потерпи, — с важностью отвечал Фриц, хотя и сам дрожал от нетерпения.

А за стеной всё не умолкало это влекущее, таинственное шуршание, мелодичное постукивание крохотного молоточка, позвякивание каких-то дощечек и железок. И дети, затаив дыхание, прислушивались к доносившимся из гостиной звукам.

Накануне Рождества их крёстный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

Тук-тук! Бам-бам! — разносилось по дому.

Ох уж этот крёстный Дроссельмейер! Станный он человек. Даже человечек. Маленького роста, сухонький. Морщинки на лице сеточкой. На голове, лысой, как блестящий шар, пышный пудренный парик. А вместо правого глаза — чёрная, но совсем не страшная повязка.

И этот некрасивый маленький человечек был большим искусником. Он умел делать всё. Даже чинить часы. Стоило замереть маятнику или остановиться большой и маленькой стрел-

кам, этот волшебный мастер приступал к делу. Сняв сюртучок и повязавшись кожаным фартуком, крёстный Дроссельмейер вынимал из кармана коробочку с блестящими инструментами и принимался тыкать в часы шильцами и крутить шестерёнки отвёртками. Мари всегда жалела бедные часики, но они не обижались на мастера, а, наоборот, в благодарность за заботу начинали весело тикать.

Каждый раз, приходя к ним в дом, крёстный дарил детям необыкновенную игрушку. То крохотного кавалера-шаркуна с выпученными глазами, то коробочку-сюрприз, из которой со звоном выскакивает серебряная птичка. Интересно, что на этот раз мастерит, скинув жёлтый сюртучок и надев свой фартук, их затейник крёстный?

— Это, конечно же, будет крепость, — уверенно сказал Фриц. — И там будут маршировать крохотные солдатики с ружьями и длинными саблями. Они будут выделывать всякие штуки, а когда на крепость нападут враги, эти храбрецы встанут на защиту крепости и начнётся настоящее сражение. Будут палить пушки, свистеть пули и звенеть сабли.

— Нет, нет! — Мари так сердито замотала головой, что аккуратные кудряшки запрыгали над ушами. — Крёстный рассказывал мне о чудесном саде. Там в большом круглом озере плавают белоснежные лебеди с красными клювами. Шеи их повязаны золотыми ленточками. А маленькая девочка кормит их шоколадными конфетками.

— А вот и неправда! — захихикал Фриц. — Лебеди не едят шоколад. А крёстный, даже он, не сможет сделать целый сад да ещё с прудом.

Стемнело. Дети, прижавшись друг к другу, прислушивались к звукам из гостиной. А там! Там в этот момент родителиставляют на отдельном столике под ёлкой множество чудесных подарков. Сейчас, сейчас распахнутся двери, и...

Динь-динь-дилинь! — пролепетал серебряный колокольчик. Можно! Фриц и Мари сорвались с места и кинулись в гостиную. Ах! Посреди комнаты, окутанная сияющей музыкой

света, высилась великолепная ёлка. Пушистые ветки увешаны золотыми и серебряными яблоками, гроздьями обсахаренных орешков, конфет, облитых разноцветной глазурью пряников. В зелёной тьме хвои, как звёздочки в ночном небе, мерцали и переливались, озаряя комнату, сотни маленьких свечек. Но самое главное — рождественские подарки!

Нарядные куклы с фарфоровыми личиками и горка игрушечной посуды для восхищённой Мари. А праздничное шёлковое платье, в оборках и цветных лентах! И ей наверняка непременно позволят надеть его! Фриц тем временем верхом на гнедом деревянном коне галопом объезжал стол, на котором застыл в ожидании полководца эскадрон гусар в великолепных, шитых золотом красных мундирах с серебряными сабелями наголо.

Дети не знали, за что хвататься: то ли играть с куклами и барабанщиками, то ли листать чудесные книжки с разноцветными, будто живыми, картинками. Но тут снова зазвонил колокольчик. Настал черёд подарку крёстного Дроссельмейера.

Раздвинулась маленькая ширма, и на покрытом зелёным сукном столике, как на лужайке, вырос перед детьми замок. Заиграла музыка. Распахнулись зеркальные окошки, зажёгся свет в золотых башенках. И тут все увидели, что по залам замка парами гуляют крошечные кавалеры в белых чулках и камзолах и дамы в шляпах с перьями и платьях со шлейфами. В малюсеньких, с напёрсток, серебряных люстрах сияют спичечки свечек и под музыку пляшут и прыгают дети в разноцветных курточках и панталончиках. А из окна выглядывает господин в изумрудно-зелёном плаще и приветливо кланяется Фрицу и Мари. Крёстный Дроссельмейер! Конечно же он. Только с мизинец ростом.

— Крёстный, пусти нас к себе в замок! — вскричал Фриц.

Но изумрудно-зелёный человечек ничего не ответил, а спрятался в окне. Впрочем, тут же показался снова и приветливо поклонился. И опять исчез. И вновь появился. И дамы с кавалерами прохаживались всё так же кругами. И дети в замке топали ножками как заведённые.

— Ну, — протянул Фриц, — это скучно! — И он занялся своими солдатиками.

Зато Мари вдруг присела на корточки перед ёлкой. Она увидела странного человечка, скромно стоявшего под разлапистой пушистой веткой. Не очень-то складный был этот деревянный человечек. Чересчур громоздкое туловище на тонких ножках и великоватая голова с тяжёлой челюстью. Но зато одет человечек был вполне пристойно и даже щегольски. Фиолетовый гусарский мундир, весь в пуговичках, опушках и позументах, узкие рейтузы и сапоги со шпорами. Всё сидело на нём так ловко, будто было нарисовано. Из-под круглой плоской шапочки выпрастывались белые букли нитяного парика, а завитки шерстяных ниток — щеголеватые усики над алой губой — не скрывали добродушной улыбки, сверкавшей жемчужным рядом ровных, крепких зубов. Мари тут же полюбила человечка, который приветливо и дружелюбно поглядывал на неё.

— А этот милый человечек для кого?! — воскликнула Мари.

— Для всех, — ответил отец. — Это Щелкунчик. Он, как и все его предки, отлично умеет разгрызать орехи.

Мари тут же схватила горсть орешков, и Щелкунчик, продолжая приветливо улыбаться, колот их своими крепкими зубами.

Фриц, услышав, как весело щёлкают орешки в зубах Щелкунчика, на минуту оставил свой оловянный эскадрон и подошёл к столу. При виде забавного человечка с огромной челюстью мальчик расхохотался. Схватив самый большой и твёрдый орех, Фриц сунул его в рот Щелкунчику.

Крак!.. — обломились три зуба у бедного Щелкунчика, а тяжёлая челюсть беспомощно отвисла.

— Фу, глупый Щелкунчик! — вскричал Фриц. — То ли дело мои драгуны! Им никакое самое крепкое ядро не страшно!

И он снова вернулся к своим солдатикам. А Мари, вся в слезах, прижала к груди раненого Щелкунчика, подвязала ему больную челюсть белой ленточкой и заботливо укутала

платком. Она раскрыла новую книжку с лаковыми цветными картинками и, баюкая бедного Щелкунчика словно младенчика, принялась показывать ему картинки. Фриц только посмеивался, приговаривая, что глупая Мари нянчится с деревянным человечком, будто он малое дитя. Но девочка и не думала обращать внимание на эти насмешки.

— Щелкунчик, миленький, — шептала она, — не сердись на Фрица. Он добрый. Просто немного огрубел со своими оловянными солдатиками. А я буду тебя беречь и лечить. — И Мари продолжала нежно баюкать Щелкунчика.

А ночь, таинственная рождественская ночь уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком. Пора было складывать игрушки. В гостиной налево от двери стоял высокий стеклянный шкаф. На верхней полке, до которой детям было не дотянуться, расположились чудесные изделия крёстного Дроссельмейера. Ниже рядком теснились книжки в лаковых переплётах. На самой нижней полке Мари устраивала кукольную комнату, где жила любимая кукла Трудхен, а теперь и новая нарядная Клерхен. Фриц занял полку повыше и поставил строем своих конных и пеших солдат с барабанщиками, трубачами и знаменосцами.

— Дети, — сказала мама, — оставьте игрушки до завтрашнего утра. Гасите свет и отправляйтесь спать.

Фриц в последний раз глянул на свои войска, отдал честь капитану в синих драгунских рейтузах и приказал:

— Пора на покой! Завтра нам предстоит великое сражение.

С тем он и отправился в детскую. А Мари вдруг взмолилась:

— Мамочка, пожалуйста, позволь мне побыть со Щелкунчиком ещё пять минут. Я сама погашу свет и лягу спать.

— Хорошо, — согласилась мама, — только не задерживайся. У тебя уже глаза слипаются.

Впрочем, она на всякий случай погасила все свечи в комнате. Осталась только одна лампа, свисавшая с потолка.

Мягкий свет, который лился от неё, не мог рассеять вечерний сумрак, таившийся по углам.

СРАЖЕНИЕ

Мари осталась одна в большой гостиной. Она положила Щелкунчика на стол, развязала платок и осмотрела его рану.

— Не расстраивайся, милый Щелкунчик, — ласково произнесла она, — крёстный Дроссельмейер непременно вылечит тебя. У него есть замечательные молоточки, ладные щипчики и крохотные отвёртки. А теперь я уложу тебя в мягкую кроватку моей куклы Клерхен. — И Мари обратилась к пухлой краснощёкой кукле: — Дорогая, не могли бы вы на эту ночь уступить свою кровать больному Щелкунчику?

Но кукла, обиженно надув щёки, молчала.

— Ладно, — согласилась Мари, — может быть, Щелкунчику и впрямь будет удобнее на верхней полке, в походной палатке солдат Фрица.

Она поставила Щелкунчика на верхнюю полку и уже собиралась идти в спальню, как вдруг отовсюду — из-за шкафа и стульев, из-под стола и из-за кафельной печи, из каждого тёмного угла — о-ох! — стали разлетаться, подкрадываться тихие-тихие шорохи, шёпоты, шуршание и шебуршение. А настенные часы с маятником захрипели, засипели, готовясь пробить полночь.

Ти-ик! Та-ак! — медленно, с трудом, словно полусонный, качался маятник.

Большая механическая сова с крючковатым носом и круглыми, как зелёные блюдца, глазами вдруг расправила крылья и медленно, как заведённая, стала поворачивать голову слева направо и справа налево. Клюв её раскрылся, и Мари явственно различила хриплый голос:

Тише! Тише!
Слышишь? Слышишь?
Из угла ночной гостиной
К нам ползёт король мышиный...
И часов старинных бой
Нас зовёт на смертный бой...

Бом-м! Бом-м!.. — двенадцать раз ударили в тишину часы.

И тут же за стеной, по углам, под полом слышались писк, возня и дробный топоток тысячи крохотных лапок. Острыми огоньками засветились тысячи глазок-буравчиков. И отовсюду стали сбегаться несметные полчища мышей. Они выстроились в боевом порядке прямо перед Мари и замерли.

И треснул, приподнялся пол посреди гостиной, разбрызгивая звонкие янтарные половицы. Из-под пола с отвратительным шипением вылезли семь мышиных голов в сверкающих коронах, а следом и толстое тельце, на котором и покачивались все семь гадких мышиных головок. Под предводительством своего семиголового короля всё мышиное войско стало надвигаться на Мари, прижавшуюся к шкафу.

Что-то будет?!

Но тут — дзынь! — разбилась стеклянная дверца шкафа. Мари и не заметила, что сама локтем неуклюже ткнула в стекло и разбила его. Рукав её платья окрасился кровью. Но до этого ли было ей, когда Щелкунчику грозила смертельная опасность?

И тут зазвенел храбрый голосок:

— Вперёд! За мной! На бой! На бой! Вперёд, на горе мышиной своре!

Сама собой вдруг завелась, заиграла музыкальная шкатулка.

На этот раз мелодичные колокольчики играли не привычную песенку про милого Августина, а настоящий военный марш.

Синие мундиры,
Сабли наголо!
Эй, командиры,
В седло, в седло! —

гремели уже не колокольчики, а звонкие литавры.

Тут Мари увидела, что внутренность шкафа осветилась.

Во весь свой рост поднялся раненый Щелкунчик и взмахнул серебряной саблей.

— Трубач к трубачу станьте плечом к плечу! — крикнул он. — Эй, барабанщик, трубочист и паяцы, нечего бояться! Я поведу вас в бой за собой!

И встали с ним плечо к плечу три храбрых паяца, четыре трубочиста, два трубача, барабанщик и Панталоне со знаменем. Безрассудно смелым прыжком перелетел Щелкунчик на пол. Мягко шлёпнулись следом за ним бархатные паяцы и туго набитые опилками музыканты с трубочистами.

Спорхнул с развевающимся, как крылья бабочки, знаменем Панталоне.

— Эгей, барабанщик! Бей тревогу! Зови подмогу! — звонко скомандовал Щелкунчик.

Грянула барабанная дробь. А Панталоне вдруг озорно подмигнул Щелкунчику и барабанщикам, сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Разом распахнулись обе дверцы шкафа. Загремели сапоги, забряцали сабли, заржали лошадки и ровными шеренгами выступили солдатики Фрица. Кирасиры сверкали своими доспехами. Драгуны гарцевали, сидя в высоких сёдлах. Блестящие гусары лихо прищпоривали коней. А за кавалерией катили пушки усачи пушкари.

По коням, кирасиры,
Сабли наголо!
Эй, командиры,
В седло, в седло! —

пел грозный солдатский хор.

Один за другим промаршировали полки перед Щелкунчиком, с развевающимися знамёнами и барабанным боем.

— Труби атаку, трубачи! За мной, солдаты-силачи! — прогремел Щелкунчик.

И — бух-бах-тарарах! — грохнули пушки. Полетела в мышей россыпь сахарного драже. Бум-бум-турумбум! — ухнули тяжёлые орудия, посылая на мышинные полчища круглые пряничные бомбочки. Немало мышей полегло под градом снаря-

дов. Сахарная пыль, словно белый дым, заслонила сражающихся.

Мари с трудом различала, что происходит. Но видела она, как всё новые и новые толпы мышей выползают из всех щелей и норок. А в ушах у неё стоял непрерывный грохот боя.

Др-дрр! — скакали по полу сахарные шарики драже.

Плямс! — шлёпались, рассыпаясь на кусочки, глазуревые пряники.

Цвинь-цвинь! — звенели сабли.

У-виии! И-ии! — пищали мыши.

И надо всем гремел голос полководца Щелкунчика:

— Смелей! Бей! Не жалей!

Пушкари установили свои пушки на скамеечки для ног и палили с высоты, опустошая ряды мышей. Но те всё напирали и напирали. И вот перевернулась скамеечка, покатались по полу пушки. Мышиные полчища потеснили гусар, кирасиров и драгун.

Рассеянная по комнате кавалерия спешно утекала в спасительный шкаф, оголяя правый фланг. Щелкунчик в растерянности огляделся. Нет, левый фланг его армии держался! Там сражались крохотные куколки-сюрпризы, вышедшие из шоколадных бомбочек. Кого только не было в этих пёстрых рядах!

Садовники и тирольцы.
Тунгусы и парикмахеры.
Мартышки и обезьяны.
Арлекины и купидоны.
Львы и тигры.

Под предводительством двух китайских императоров они сдерживали натиск мышиной армии, медленно отступая к нижней полке шкафа. Щелкунчик храбро врезался в мышиные ряды.

— Тревога! Тревога! Где ты, подмога? — в отчаянии призывал он.

На его зов из шкафа выскочили лишь несколько коричневых пряничных человечков в золотых шляпах. Но они были такими неумелыми бойцами, что тут же попали в окружение мышей. Одному отгрызли ногу, другого помяли, с третьего сбили шляпу. Большая опасность грозила смелому Щелкунчику, который даже не мог вспрыгнуть на нижнюю полку шкафа. Слишком уж коротки были его ножки, очень неповоротливо деревянное туловище. Ему бы сейчас коня!

— О мой бедный Щелкунчик! — вскричала Мари.

Она стащила с левой ноги туфельку и с размаху швырнула её в самую гущу мышей, целясь в противного семиголового короля.

И всё в тот же миг исчезло! Голова у Мари закружилась, и она без чувств осела на пол...

Очнулась Мари в своей постели. Сквозь занавеску светило яркое солнце.

— Наконец-то! — прошептала мама, в тревоге глядевшая на дочь.

— Скажи, милая мамочка, — слабым голосом спросила Мари, — Щелкунчик спасён? А противные мыши? Они убралась отсюда вместе со своим семиголовым королём?

— Ну вот, — расстроилась мама, — у тебя всё в голове перепуталось. Как же я испугалась, когда вчера ночью нашла тебя на полу с порезанной рукой. Вокруг валялись солдатики Фрица, твои игрушки, растоптанные пряничные человечки. Ты крепко прижимала к груди Щелкунчика, а в углу валялась твоя туфелька.

— Но ведь в полночь разразилась великая битва! — не унималась Мари. — Мышиный король со своим войском напал на кукол и солдатиков. Он хотел утащить в своё сырое подземелье Щелкунчика. Я швырнула свою туфлю и разогнала мышиное войско. Где, где мой Щелкунчик?

Мама погладила Мари по головке и ласковым голосом успокоила:

— Не бойся, детка. Щелкунчик стоит в шкафу, целый и невредимый. Тебе всё померещилось.

Несколько дней лежала Мари в кровати и глотала горькие таблетки. Но вот она поднялась и первым делом кинулась в гостиную к шкафу с игрушками. Щелкунчика там не было!

Мари в растерянности стояла перед стеклянными дверцами шкафа, не смея поверить своим глазам. Как вдруг позади неё кто-то произнёс скрипучим голосом:

Ходит маятник упруго.
Стрелки бегают по кругу.
Тьму с собой приводит ночь.
День её прогонит прочь.

Это сова, сидевшая на часах в гостиной, снова завела свою механическую песенку.

Мари вздрогнула и оглянулась. Перед нею стоял крёстный Дроссельмейер.

— Не сердись, Мари, что я не прогнал мышиного короля, не растоптал полчища злых мышей. Не успел. Зато... Гляди!

И он вынул из кармана Щелкунчика! Искусной рукой крёстный Дроссельмейер починил сломанную челюсть деревянного человечка и снова вставил три сломанных зуба.

— А где его сабля? — спросил вбежавший в комнату Фриц.

— Я вылечил Щелкунчика, — проворчал крёстный. — А уж саблю пусть сам добывает в бою. Так же, как сумел расколоть орех Кракатук!

— Какой орех? — насторожилась Мари. — Расскажи, сейчас же расскажи, крёстный.

У Фрица тоже загорелись любопытством глаза.

— Пожалуйста, не тяни, крёстный, рассказывай, — попросил он.

— Хорошо, — сказал крёстный Дроссельмейер, усаживаясь поудобнее, — слушайте.

И вот какую сказку поведал он Фрицу и Мари.